

УДК 821.161.1

СЕМАНТИКА СЮЖЕТОВ ПЕРЕПИСЫВАНИЯ В РОМАНАХ В. ШАРОВА «СЛЕД В СЛЕД» И «ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ»

Алёна И. Пантюхина¹.@

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр-т Ленина, 36*

@ *alena.pantuhina@yandex.ru*

Поступила в редакцию 20.02.2018. Принята к печати 25.05.2018.

Ключевые слова: сюжет письма, рецепция, текст, современная русская проза, роман.

Аннотация: В исследовании представлена типология и семантика сюжетов переписывания в романах В. Шарова «След в след» (1991) и «Воскрешение Лазаря» (2002) в двух аспектах: рецептивном и историческом и / или историософском. В творчестве В. Шарова отношение персонажей к тексту и слову, сюжеты переписывания проявляют специфику национального сознания, для которого тексты свидетельствуют о метафизических законах исторической реальности, а также вера в силу слова способна преобразить бытие. Телеологическое понимание истории опиралось на понимание текста как инструмента воздействия на материальный мир, как исторической силы. В статье выделены три типа сюжета переписывания в романах В. Шарова «След в след» и «Воскрешение Лазаря». Во-первых, точное (каллиграфическое) переписывание как приближение к метафизическим смыслам сакральных текстов (мифологизация и демифологизация). Семантика этого сюжета в романах В. Шарова подчеркивает невозможность повторения, сохранения сакральных смыслов и преобразования несовершенной исторической реальности. Во-вторых, сюжет переписывания как исправление чужих идей и создание собственного проекта исправления жизни при помощи текста определяет обусловленность понимания текста, его переписывания, переделки задачами настоящего (в частности в романе «Воскрешение Лазаря» – объяснения и оправдания страданий русских людей в XX в.), а также иллюзорность попыток изменения реальности по текстам, напротив, реальность корректирует тексты. В-третьих, переписывание, интерпретация текстов (герменевтический смысл) означает диалог смысла претекста и понятого воспринимающим, «переписывающим», смысла, является попыткой более глубокого познания реальности.

Для цитирования: Пантюхина А. И. Семантика сюжетов переписывания в романах В. Шарова «След в след» и «Воскрешение Лазаря» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 211–218. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-211-218>.

Проблема переписывания и его исторической роли в культуре связана с функцией языка и текстов быть средством коммуникации и передачи смыслов. Язык – это «определенный класс знаковых систем» [1, с. 604–606], инструмент и результат смыслопорождения, обеспечивает передачу смыслов и знаний между людьми во времени и пространстве [2, с. 646]. Текст – система знаков, объединенных одним смыслом [3, с. 507]. В настоящем исследовании мы будем рассматривать значение текста в историческом процессе, поэтому отметим, что представление людей об исторической реальности опосредовано текстами. Слово «история» (др.-гр. «распрашивание, исследование» [4, с. 839]) многозначно: и это рассказ, повествование о реальности, и установление смысла прошедших событий.

Если прошлое сохраняется только в текстах, то корреляция текста реальностью замещается созданием новых текстов, основанных на прежних (документы, газеты, письма и т.д.). Следовательно, важнейшей проблемой исторического знания является рецепция текстов, в которой мы выделим следующие аспекты.

Во-первых, отношение к предшествующему тексту как источнику смыслов: а) ограниченных, присущих прошлой исторической эпохе; б) вечных истин; в) сакральных, метафизических, но явленных в знаках. Во-вторых, мифологизация, сакрализация текста, когда признаются магически как его смыслы, так и сам текст (буквы), он воспринимается не только как критерий понимания, но и как метафизическая сила, творящая реальность. В-третьих, важность фигуры «переводчика» смыслов текста, переписчика, его права на интерпретацию (а потому и коррекцию). В-четвертых, форма передачи текста: устная – ситуативна, создаёт двойную диалоговую ситуацию, точность смысла неизбежно корректируется, высказывание наделяется новой модальностью, мифологизируется и, напротив, варьируется. При переписывании текста сохраняется возможность большей идентичности текста-дублёра и мифологизируется не только смысл, но и текст. Таким образом, текст не равен себе, в процессе (и далее на материале художественных текстов В. Шарова – сюжете) переписывания значимы трансформации

как смысла, так и формы текста, что уже было предметом размышления в работах по рецептивной эстетике [5], герменевтике, в трудах постструктуралистов.

С одной стороны, по мнению М. Фуко [6; 7, с. 54–80, 325–362] и Р. Барта [8, с. 547], язык и текст являются орудием власти, тоталитарной силой, письмо и чтение закрепляют общие представления, объясняющие реальность и навязывающие эти объяснения, т. е. закрепляют мифологии. Переписывание в таком случае умертвляет реальность и смыслы. С другой стороны, переписывание (чтение, интерпретация) определяет процесс познания смыслов текстов. Ж. Деррида говорил о переписывании не как о копировании, а как о деконструкции, процедуре «разборки» и «сборки» [9, с. 54]. Любой текст есть текст переписанный, что имеет экзистенциальный смысл, упорядочивает сознание в структуру. По М. Хайдеггеру, переписывание – онтологический процесс, проявление языка для себя и соответственно – освоение бытия [10, с. 142–167]. Х.-Г. Гадамер [11, с. 446–548] говорил о диалоговом характере понимания, о допущении инаковости. Следовательно, переписывание может демифологизировать собственное сознание и открыть неистинность другого сознания. У. Эко [12, с. 67–103] и Р. Барт [8, с. 413–423] утверждают незакрытость любого текста, возможность множества интерпретаций при восприятии-пересоздании текста.

В настоящей работе мы обратимся к анализу сюжетов переписывания как проявления национального отношения к слову, к текстам, воспринимаемым как свидетельство о метафизических законах исторической реальности, как традиции знаний о нематериальных основах истории, как веры в действенную силу слова, меняющего реальность. Телеологическое понимание истории опиралось на понимание текста как инструмента воздействия на материальный мир, как исторической силы. Возможность понимания текста сакрализует и переписчика, и процесс переписывания, и источник – пратекст.

В современной русской прозе доминирует представление о том, что история лишена объективности и является порождением культурных мифов, их смены и смешения [13]. И существующая, и исчезнувшая реальности есть нечто вторичное и симулятивное [14]. Романы В. Шарова исследователи относят к этой линии русской литературы, хотя важнее для писателя, как нам представляется, показать мифологизирующее сознание, вызванное как осознанием трагического характера национальной жизни, так и интенцией к абсолютному идеалу, должному наличествовать в неземной, высшей реальности. У В. Шарова русская история объясняется метафизическим сознанием, определяя и неверие в возможность построения идеальной реальности на земле (смирение со злом в окружающем мире), и веру во вмешательство высшей силы, способной преобразить реальность. В его романах история предстаёт не в событиях, а в представлениях людей, запечатлённых в их текстах: как личных (дневниках, письмах и т. д.), так и опирающихся на известные и авторитетные для них тексты (сакральные, художественные, философские).

С одной стороны, зафиксированные в текстах проекты влияют на реальные процессы социальной жизни, с другой стороны, в текстах фиксируются индивидуальные и коллективные версии истории, соотношённые не с фактами, а с сакральными или авторитетными текстами. Переписывание выстраивает иерархию текстов, дающих истинную (в оценке переписчика) картину мира, а следовательно, определяет цели, направленность, способы существования как переписчика, так и социума, к которому обращено переписывание канонических или авторитетных текстов. В христианской, в частности русской, культуре таким сакральным текстом была Библия, с которой сверялись, но и которую подстраивали под свои исторические представления переписчики и читатели.

Мы сосредоточимся на сюжетах переписывания в романах В. Шарова «След в след» (1991) и «Воскрешение Лазаря» (2002), видя в них, с одной стороны, типологическую особенность прозы писателя, с другой стороны, изменение в интерпретации власти текстов от раннего к зрелому периодам творчества. И. В. Ащеулова отмечала, что в романах В. Шарова писательство и чтение текстов создают «прерывистую, искажаемую духовную преемственность, формируют избирательную человеческую память, свидетельствующую и о тупиках мысли, и о забытых в прошлом ценностях» [15, с. 164; 16; 17]. В первых романах («След в след» (1991), «Репетиции» (1992), «До и во время» (1993) и др.) власть текстов проявлялась в имитационном характере жизни людей, принявших высшую истинность сакральных или авторитетных (научных, философских) текстов; переписывание в них стремилось к копированию. В романе «Воскрешение Лазаря» и следующих за ним («Будьте как дети» (2008), «Возвращение в Египет» (2013)) В. Шаров показывает роль авторитетных текстов, переписывание становится деконструкцией, редакцией, дописыванием и текстов, и реальности.

В обоих романах русская история XX в. воссоздается через судьбу семьи, рода. «След в след» – хроника семьи Фёдора Голосова, записанная его приёмным сыном Сергеем Колоуховым в конце 1970-х – начале 1980-х гг.; «Воскрешение Лазаря» – воскрешение памяти о своём отце в письмах дочери безымянным рассказчиком в середине 1990-х гг., внимание которого привлекает история другого рода, братьев Кульбарсовых. В романах отсутствует «авторитетный» или объективный нарратор, повествование строится как компиляция множества частных историй, рассказанных когда-то, документов (писем и дневников), все они пересказываются, переписываются вторичным, третичным нарраторами. Повествование представлено как переписывание пратекстов, собирание разных версий частных и социальных событий, версий национальной истории в контексте разных метаисторических, телеологических идей и текстов (Библии, философии коммунизма, социального проекта эсеров, научных идей – космизма и пр.). Роман «След в след» исследует механизмы сохранения смыслов и прерывания традиции, исторических разрывов. Сюжет романа «Воскрешение Лазаря» составляют поиски путей спасения народа, раскрывается мифологи-

зирующая основа русского национального сознания, которое в создании текстов стремится преодолеть несовершенство реальности, наделить логикой и даже высшим смыслом любые исторические события.

Выделим следующие типы сюжетов переписывания в романах В. Шарова «След в след» и «Воскрешение Лазаря»: 1) точное (каллиграфическое) переписывание как приближение к метафизическим смыслам сакральных текстов (мифологизация и демифологизация); 2) переписывание как исправление чужих идей и создание собственного проекта исправления жизни при помощи текста; 3) переписывание (цитирование) и интерпретация текстов как более глубокое познание реальности (герменевтический смысл).

Переписывание текста как приближение к познанию и пониманию метафизических смыслов сакральных текстов представлено в сюжете переписывания Торы Ошером Левиным в романе «След в след». Точное, каллиграфическое переписывание сакрального текста имеет ритуальное значение приобщения к его смыслам, является способом распространения истины, традиции (лат. *traditio* – передача, предание) [18, с. 778–779] как универсальной формы закрепления культурного, духовного опыта. Сакральность ритуала переписывания Торы (соферами – переписчиками) обеспечивала выживание нации, поскольку сохранялась незыблемость веры в метафизическую силу, несмотря на исторические катаклизмы, происходившие с евреями (этому посвящен вымышленный художественный текст «История моего рода» главного персонажа романа Фёдора Голосова).

История Ошера Левина в XX в. свидетельствует о неспасительности канона, веры в истину, закреплённую в тексте, об изменении роли самих текстов. Левин родился на рубеже XIX–XX вв. в Белоруссии, несмотря на принадлежность к еврейскому роду основателей хасидизма, он плохо знал Тору и после революции, воспользовавшись возможностями нового, интернационального общества, уехал в Москву учиться живописи, примкнул к авангардной группе художников «Бубновый валет». Левин сменил традиционную родовую культуру на индивидуалистическую, свободную, более того – устремлённую к созданию новой реальности, альтернативной социуму. Личная интенция героя совпадает с интенцией исторического времени, с мифами о праве человека создавать «вторую природу», мир, отличный не только от существующего, но от созданного творцом. В индивидуальной судьбе Левина Шаров фиксирует отпадение от власти Творца, интенцию к переписыванию самой реальности. Но Левин шел не к переделке онтологии (исторической, социальной деятельности), а к эстетическому, субъективному проекту, образу реальности. Левин уходит и от слова, от логоцентричной культуры (иудейской), обращаясь к визуальному искусству, смыслы которого более абстрактны, аллегоричны и не предназначены для воспроизведения (переписывания). Живопись Левина мало отвечает запросам времени, и в его творчестве проявляется связь с родовой традицией, её символами, кодами: Левин всегда рисовал цветы, символ абсолютной красоты,

естественности того, что создано не человеком. Но красота цветов на картинах Левина всегда «нарушалась»: они всегда были испорченными, увядшими. Эту деталь учитель героя называет «печатью Каина». Испорченные цветы ставят проблему несовершенства созданного богом мира, оправдания вмешательства в бытие человека. Это говорит не только о сомнении Левина в Творце, но и о его неверии в возможность переделать (переписать) реальность, на чём основывается идея коммунизма, вера в прогресс. Картины Левина можно воспринимать как бессознательную деконструкцию как архаического иудейского мифа, так и господствующего исторического мифа о построении коммунизма.

После неудачи своей первой выставки в 1925 г. Левин возвращается домой. Эта неудача символизирует и завершение русского модерна, эпохи мифотворчества, и либерального «сюжета» советской истории – периода нэпа. Левин с его пессимистической концепцией мира, противоположной проекту раннего коммунизма, не встроился в новую социальную и культурную систему. Возвращение героя домой напоминает и сюжет возвращения блудного сына, но в начале Левину не свойственно понимание ложности своих прежних мифов, к возвращению его вынуждают обстоятельства. Сначала чтобы занять себя и порадовать отца, потом с искренним интересом художник начинает переписывать Тору, запоминая её, приближаясь к её смыслам. Так происходит возвращение героя к родовой вере в метафизическую силу. Религия, с которой его связал текст, приводит к отказу от личного поиска (поэтому не создание своего текста, а переписывание канонического, истинного). Познание божественных смыслов происходит посредством каллиграфии, искусство воспроизводить знаки (буквы и слова) становится мистическим процессом всматривания в трансцендентное.

Фамилия персонажа отсылает к еврейскому колену левитов, которому традиционно принадлежали соферы. Левиты не имели собственной территории, должны были служить всем людям, переписывая Тору, сохранять божественное слово. Поэтому и судьба Левина в XX в. несет аналогичный смысл сохранения и распространения божественного слова. Но приближаясь к смыслам Бога, Левин выработал свой стиль написания букв, т. е. преобразил сакральные смыслы: «Левина смущало то, что ни в памяти, ни в молитве он почти не может отделить Слово Божие от своих букв. В синагоге и во время занятий, когда он пользовался Торой, напечатанной в типографии, ему всё время казалось, что это какой-то другой текст, и он, чтобы понять смысл стиха, сначала должен был перевести его с обычного шрифта в свой почерк» [19, с. 152]. Левин 10 лет переписывает Тору и, работая учителем рисования в школе, снова не встраивается в советский социум, сохраняя верность метафизическим ценностям, он отказывается от участия в выставке, посвященной 20-летию революции, за что его отправляют в лагерь за пропаганду сионизма в середине 1930-х гг.

Заключение Левина проецируется на рабство евреев в Египте, после которого Бог заключает с евреями завет, т. е. ситуация испытания избранного народа, его

очищения для продолжения праведной линии. С одной стороны, Левин, лишенный возможности диалога с сакральным текстом, следует познанным смыслам и распространяет их: учит своего сына, в больнице излагает свою версию бытия Сергею Колоухову, брату главного персонажа романа. С другой – Левин вынужден служить советской системе: он занимается переписыванием лагерных документов, актов насилия, беззакония, тем самым сохраняя следы тоталитарности власти и ничтожности человека, от которого остается только переписанный каллиграфическим почерком документ. Ситуация испытания веры иудея не приводит к созданию завета, укреплению связи с метафизическим миром через преодоление страданий, служение Богу трансформируется в служение советской системе. Но осознание соучастия в насилии, невозможности ему сопротивляться разрушает Левина, он начинает употреблять наркотики, несакрально изменяет своё сознание, в отличие от библейских пророков, находящихся в измененном состоянии сознания во время получения божественного откровения. От 10-летнего заключения в памяти персонажа сохраняется всего несколько эпизодов, он перестаёт быть носителем не только божественных, но и исторических смыслов.

Таким образом, переписывание текста как приобщение к высшим ценностям не спасло сознания отдельной личности, как и религиозные ценности не спасли сознание наций (евреев, русских). Но развитие сюжета романа оставляет личности право выбора, тогда как коллективная мифология освобождает людей от выбора и этической ответственности за изменение обстоятельств.

В психиатрической больнице Левин знакомится с Сергеем Крейцвальдом, воспитанном на мифах эсеров о социальной борьбе как способе «переписывания», исправления исторической реальности. Встреча двух сознаний: пассивного, уповающего на волю Бога, и позитивистского, основанного на праве человека менять действительность, в пространстве психиатрической больницы символизирует исторический выбор России, где больные, угнетаемые люди, подобно народу, терпят насилие врачей, т. е. власти. Сергей становится предводителем революции, подобно Христу, он хочет изменить мышление людей идеей гуманности и справедливости, но этот сюжет пародирует русскую революцию, в которой насилие над угнетателями становится орудием и условием строительства «нового» общества.

Для Левина, как еврея, Христос – лжепророк, а христианство – еврейская ересь, потому что человек не может совершенствовать мироустройство, Сергей же отвергает первородную греховность человека. Отказываясь от признания несовершенства человека, он не принимает зла в насильственном изменении мира, его сознание утопично. Левин же говорит о том, что зло появилось со свободным выбором человека, и потому человек никогда не перестроит несовершенный мир, не переписет его красиво, каллиграфически. Борьба со злом также есть зло, т. е. насилие над божественным замыслом: «мы не понимаем и забываем, что добро – это нечто совсем другое, чем зло...» [19, с. 159],

«если зло исходит извне, тогда еще есть надежда» [19, с. 173]. Поэтому Левин и его сын отказываются от участия в больничном восстании, за что их убивают. Сергей, руководивший революцией, создает справедливое общество в больнице и выздоравливает, после чего совершает самоубийство. Он осознает, что революция ничего не изменила: Сергей, получив власть, стал палачом. Переписывание Торы подводит Левина к повторению судьбы евреев – конформизму.

Профанная версия переписывания текста как утверждения его сакральных смыслов в актуальной реальности представлена во вставной главе романа «Путешествие Джона Крафта» главного героя Фёдора Голосова. В. Шаров трагедизирует магию текста, сводя её не к пониманию смыслов, а к практическому воздействию на реальность. В сюжете своего романа Голосов решает ключевую для себя проблему соотношения текста и реальности. Главный герой и рассказчик – переводчик, журналист – описывает духовное преображение рабочего, соответствующее стереотипному сюжету об идейном пробуждении человека, который в результате чтения приобщается к идеям коммунизма, становится преобразователем реального мира и спасителем людей. Рабочий провинциального города Зернов был индифферентен к советской пропаганде, но всерьез увлекся идеями коммунизма, когда они потеряли реальную силу – в середине 1970-х гг. Зернов – слесарь, владеющий механизмом преобразования замысла в вещь, и идеи коммунистического будущего казались простыми, реализуемыми: «Ему нравились их идеи, но еще больше то, как они к ним шли, как они их «делали». Это было другое, но, несомненно, близкое, родственное ему «машинное» мышление» [19, с. 205]. Идеологов коммунизма – Маркса, Энгельса и Ленина – он воспринимал как инженеров, тех, кто преобразует материальную действительность, преодолевает сопротивление твёрдых материй. Так герой обретает смысл жизни – впечатать в природу текст-проект, он вырезает на зерне риса текст статьи Ленина «Как нам реорганизовать рабкрин». Работа увлекает его, спасает от пьянства, но, потеряв зерно, он теряет смысл жизни.

Зерно с текстом статьи есть символ продолжения и преображения жизни, что отсылает к притче Христа о сеятеле, в которой утверждается значение осмысленного познания традиции, идеи, только тогда у идеи есть продолжение. Зернов же, во-первых, переписывает статью Ленина с ошибкой, меняя ее смысл на противоположный (забывает частицу «не» в самом начале). Во-вторых, теряет зерно, и оно оказывается необычайно плодородным и быстро распространяется, доказывая плодovitость искаженной идеи, которую люди поглощают: «Но уже сегодня миллионы и миллионы сытых жителей Азии, Африки и Латинской Америки, прежде неграмотные, склонившись над микроскопом, читают Ленина по-русски» [19, с. 220]. Эта история в романе Голосова представляет собой саркастичную рефлексию о времени, в котором он живет, о текстовых ценностях, не соответствующих свойствам бытия. Во-первых, власть текста подтверждена изменением законов природы: текст, записанный на зерне, исказил

природу. Во-вторых, сакрализована земная власть (Ленин), речь не идёт о переписывании как приближении к пониманию метафизической реальности. В-третьих, профанный субъект переписывания занят механическим копированием: не каллиграфия, а уменьшение размера текста – вот заслуга переписчика, и смысл литоты однозначен – редукция авторитетного текста.

Второй тип сюжета переписывания текстов как коррекции чужих идей и создания на их основе собственного текста-проекта в романе «След в след» не доминирует, персонажи, создающие проекты преобразования социальной реальности находятся под воздействием не текстов, а реальности. Сергей создает энциклопедию народничества, которая, по замыслу, должна стать первым этапом народнической революции. Буквально он не создаёт своих текстов, но становится транслятором устных рассказов (переводя их в тексты), документов, оставшихся как «след» идей и присутствия в истории людей, имевших свой «сюжет» переписывания истории России в XX в. В романе отсутствуют тексты Сергея, сюжет переписывания отсутствует. Тексты эсеров не сакрализируются, но принимаются как спасительные, потенциально действенные.

В романе «Воскрешение Лазаря» (2002) мотив переписывания текста как заимствования и переделки исходной идеи с целью создания проекта, должного объяснить и изменить актуальную реальность, связан с сотериологическим сюжетом, попытками героев спасти Россию и народ от страданий. Название романа не только отсылает к библейским сюжетам воскрешения, победы духа над природной смертностью, но является и ключом к трактовке переписывания как возвращения к жизни исчезнувших (и даже мёртвых) смыслов.

Судьбы двух интеллигентов, братьев Кульбарсовых, представляют метафору двух полюсов русской историософии: два варианта сотериологии, спасения России, приобщения её к метафизическому, божественному миру. Старший, Фёдор, после пострига Феогност, символизирует линию праведничества и мученичества, индивидуального духовного спасения в мире зла, индивидуального поиска Бога как абсолюта для себя, а не как метафизической силы, способной исправить (переписать) социальную действительность. Младший брат, Николай, напротив, выбирает путь участия в земной жизни, полагая возможность спасения без метафизики, т. е. деятельностью людей, народа. В 1914 г. он отправляется санитаром на первую мировую войну, а после возвращения в 1918-м г., убедившись в разрушительности насильственного утверждения справедливости (революцией и гражданской войной), он отказывается принять проект утвердившихся большевиков. В 1927 г. Николай отправляется в путешествие по страдающей России не для пропаганды антибольшевистских идей, а для познания страдания людей, ибо только понимание жизни как абсолютного зла приведёт к усилиям спасения народа своими духовными силами. Цель Николая: «проповедовать переполненному ненавистью, разделенному и расколотому недавней Гражданской войной народу мир и любовь. Убедить людей простить друг другу обиды, зло, опять сойтись в одно» [20,

с. 54]. Николай ищет идею спасения не в экономических, материальных способах, а в некоей коллективной духовной интенции к коренному изменению бытия, т. к. это бытие неразумно, несовершенно, жестоко. Так рождается упование на метафизическую силу, возникающую на земле, в духовных устремлениях многих, осознавших реальное мироустройство как неидеальное, как мир Антихриста (гностическая идея), а не смирение перед богом и теми страданиями, на которые он обрекает русских людей.

Создание своего проекта Николай связывает не с познанием реальных страданий (на самом деле его путешествие является ложью, он не покидает Москвы), а с интерпретацией текстов, комментируя которые, он переписывает, деконструирует их. Все переписываемые тексты герой сводит к двум идеям: 1) ответственность человека за земное бытие и историю; 2) признание слабости человека, упование на бога. Переписывание чужих текстов (и идей) оформляется не в проповедях, а в частных письмах своей жене Нате, которую Николай увел у брата Феогноста, и теперь создаёт миф о себе как избранном человеке, достойном любви Наты. Эпистолярный жанр как форма диалога есть выход к новому пониманию бытия, к со-бытию сознаний, но в романе отсутствуют ответы жены, а истинным адресатом является старший брат персонажа – Феогност. Это подчеркивает нарушенную коммуникацию персонажей в процессе рецепции текста, невозможность понимания и передачи знаний: идеи Николая о спасении России усилиями людей не услышаны, не прочитаны современниками.

Николай переписывает ключевые библейские идеи, отыскивая в них как объяснение страданий людей, так и императив к действию. Сюжет строительства Вавилонской башни Николай интерпретирует как объединение народа против Бога, доказательство возможности народа строить жизнь (доказательство преимущества Демиурга над Творцом). История Иова обосновывает бунт человека против замысла Бога, ибо страдания Иова несправедливы, тогда Бог для Николая является источником зла. Сюжетом Каина и Авеля Николай оправдывает идею преобразования земного мира и человека-преобразователя, подобно Каину-земледельцу, не принявшему законы и ценности Бога. Хотя Николай принимает оценку переделанного Каином мира: «в нем почти всё лишнее, полезного же мало, и оно слабо» [20, с. 61], но с Каина началось противостояние человека и Бога, определяющее историю человечества. И в интенции человека изменить несовершенный мир Николай видит метафизическую природу русской истории, подобно идеям космизма, когда сознание человечества, научные знания меняют материальную действительность. Неслучайно Николай описывает воображаемую встречу с Циолковским и его идеи разумной переделки самой материи жизни: уничтожение форм жизни, более сложных, чем молекулы и создание новой материи на новых планетах. Понимание Николаем человека как преобразователя бытия во многом соотносится с гностической трактовкой Демиурга: Бог заставляет людей

творить зло, «У Коли совершенно определено выходит, что именно Бог вынудил и вынуждает большевиков творить зло» [17, с. 192]. С чекистом Костюченко Николай признает необходимость и возможность создания рая на земле и прежде всего бессмертия, воскрешения предков и их идей, смыслов, текстов: создание библиотек и музеев на кладбищах (что намекает на идеи Н. Фёдорова). Тогда мучения людей в ЧК получают онтологическое оправдание – протоколы закрепят не частные, а конечные смыслы, понятые людьми в муках пограничных ситуаций: «вы должны узнать об этом человеке все, вывернуть его наизнанку, вынуть из него всю душу» [20, с. 83]. Органы насилия получают метафизическое оправдание и становятся создателями вечной жизни.

Николай упоминает и сектантские идеи бегунов и покаянников, которые стремились убежать от земной жизни. Сам Николай понимает, что настоящее путешествие было бы бегством от реальности, и он замещает бегство от зла бегством в тексты: «И конечно, он не пророк, он просто бежит, спасается бегством. Бежит потому, что немощен, слаб» [20, с. 76]. Переписывание становится не только основой для переделки реальности, но является оправданием персонажа, подчеркивает истинный смысл письма как убегания от реальности.

Одновременно Николай фиксирует и альтернативные коллективному духовному преображению проекты (идея упования на бога, смирения): апокриф «Хождение Богородицы по мукам» – свидетельство Богу о необходимости спасения людей, непреодолимости их страданий. Герой верит, что Богородица уже спустилась на землю и готова обратиться к Богу и спасти Россию от зла и мук. Николай деконструирует этот миф: познание степени готовности греховного мира к спасению нужно не для апелляции к Высшей силе, а для собирания готовых духовно к преображению мира людей. Само хождение по мукам русских людей оказывается мистификацией, ибо свидетельство о страдании нации, как и способы спасения, Николай берёт из текстов.

Другой проект, альтернативный духовному преодолению онтологического зла, – это битва с тем, кто мешает, разрушает миф о соединении земных душ: помехой персонажу видятся не большевики (они как раз деянием зла приближают конец мира зла), а брат Феогност, считающий возможным только индивидуальное спасение неучастием во зле. Фабула битвы с братом, должной переломить ход истории, не связана с текстовым проектом Николая, поэтому мы опускаем её анализ.

Литература

1. Кибрик А. Е. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 604–606.
2. Усманова А. Р. Текст // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современный литератор, 2007. С. 646.
3. Николаева Т. М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 507.
4. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. / сост. И. Х. Дворецкий, ред. С. И. Соболевский. М.: ГИС, 1958. Т. 1. А–Л. 1043 с.
5. Юсс Х. Р. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 97–106.

Понимая невозможность достижения своих идеалов, реализации мифов и перевода текста в реальность, Николай, подобно советскому социуму, постепенно отказывается от социальных проектов, от мифов об изобавлении, тем более от исполнения предназначения разумного человека, свободного от Бога. О жизни Николая в 1940–1980-х гг. мы практически ничего не узнаем, в начале 1990-х гг. персонаж существует исключительно в бытовой реальности, рассказчику достаются его дневники, в которых Николай скрупулезно описывал свой быт. Отказ от исторических мифов соответствует атмосфере позднего советского времени, разочарованию в социальной утопии коммунизма.

Третий тип рецепции текстов в романах В. Шарова «След в след» и «Воскрешение Лазаря» – переписывание (цитирование) текста как интерпретация означает диалог смысла претекста и понятого воспринимающим, «переписывающим», смысла. Здесь важна не столько точность или необходимость исправления, подчинения собственным смыслом, а герменевтический закон понимания, закон «открытого» текста, когда новый текст выражает смысл предшествующего в той степени, в какой он понят. Деконструкция претекста в новом тексте формирует новые смыслы. В таком случае термин «переписывание» неточен, так как прежние тексты остаются самозначимыми, а новые тексты воспринимаются не как истина (не мифологизируются), но как версия, рождённая в диалоге с прежними. Так, Петр Шейкеман («След в след»), размышляя над текстами Ветхого завета, определяет и смысл своей жизни, и метафизику истории как смену веры, смену ценностей от родовой и предзаданной к личностной, обретенной после знакомства с другими символами, веры. Дед Голосова («След в след»), собирая и анализируя документы из разных эпох истории России, вскрывает за исторической мифологией профанные, неметафизические причины трагедий – сословный раздел власти (борьбу дворян и бояр за власть). Так нарратор и Ирина в «Воскрешении Лазаря», перечитывая, пересказывая, переписывая тексты своих отцов, вспоминая их, приходят к отказу от мифа о метафизической победе человека над смертной материей, от идеи воскрешения, делающего жизнь каждого индивида не временной и не торжествующей над законами природы, но феноменальной, антонимически свободной и зависимой от бытия. Этот экзистенциальный аспект сюжета переписывания требует отдельного рассмотрения.

6. Фуко М. Дискурсивные закономерности // Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. С. 61–158.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
8. Барт Р. Избранные работы: семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 615 с.
9. Деррида Ж. Письмо к японскому другу // Вопросы Философии. № 4. 1992. С. 53–57.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2011. 460 с.
11. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
12. Эко У. Поэтика открытого произведения // Эко У. Открытое произведение. СПб.: Симпозиум, 2006. С. 67–103.
13. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Постмодернистский квазиисторизм // Русская литература XX века (1950–1990-е годы). Т. 2. 1968–1990. М.: Академия, 2010. С. 478–487.
14. Эпштейн М. Н. Постисторизм и утопия // Эпштейн М. Н. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000. С. 72–75.
15. Ащеулова И. В. Труд души человека как сохранение исторической памяти рода в романах В. Шарова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-1. С. 162–166.
16. Ащеулова И. В. Семейная хроника как формирование исторической памяти поколений в романе В. Шарова «След в след» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 2. С. 48–53.
17. Ащеулова И. В. Сюжет поиска правды как осуществление мечты о рае на земле в прозе В. Шарова // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 2. С. 72–78.
18. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. Яз.-Медиа, 2003. 845 с.
19. Шаров В. След в след (Хроника рода в мыслях, комментариях, основных датах) // Урал. 1991. № 6–8.
20. Шаров В. Воскрешение Лазаря. М.: Вагриус, 2003. 366 с.

THE SEMANTICS OF THE REWRITING SCENES IN V. SHAROV'S NOVELS "TRACT IN TRACE" AND "THE RAISING OF LAZARUS"

Alena I. Pantuhina¹. @

¹ Tomsk State University, 36, Lenina Ave., Tomsk, Russia, 634050

@ alena.pantuhina@yandex.ru

Received 20.02.2018. Accepted 25.05.2018.

Keywords: plot of writing, reception, text, modern Russian prose, novel.

Abstract: The research presents typology and semantics of the rewriting plots in V. Sharov's novels «Tract in trace» (1991) and «The Raising of Lazarus» (2002) in two aspects: receptive and historical, or historiosophical. In V. Sharov's prose, the relation of characters to the text and the word together with the rewriting scenes show the specificity of the national mentality, according to which texts testify the metaphysical laws of historical reality, and the belief that the power of the word can transform reality. The teleological understanding of history was based on the understanding of the text as an instrument of influence on the material world, as a force of history. The article presents three types of rewriting plot in V. Sharov's novels «Tract in trace» and «The Raising of Lazarus». Firstly, correct (calligraphic) rewriting as an attainment to the metaphysical meaning of sacral texts (mythologization and demythologization). The semantics of this plot in V. Sharov's novels emphasizes the impossibility of reproducing or preserving sacred meanings and transforming imperfect historical reality. Secondly, rewriting can be correction of other people's ideas and one's own attempt to change life with the help of the text. It determines the conditionality of understanding the text, rewriting, reworking the tasks of the present. In particular, «The Raising of Lazarus» explains Russian people's sufferings in the XX century. The second type can denote the illusory character of such attempts to change the reality by texts, as it is reality that corrects texts. Thirdly, rewriting, or interpreting texts can denote a deeper understanding of reality (hermeneutic meaning): it signifies a dialogue between the pretext meaning and the meaning perceived by the «rewriter».

For citation: Pantuhina A. I. Semantika siuzhetov perepisyvaniia v romanakh V. Sharova «Sled v sled» i «Voskreshenie Lazaria» [The Semantics of the Rewriting Scenes in V. Sharov's Novels "Tract in Trace" and "The Raising of Lazarus"]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 211–218. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-211-218>.

References

1. Kibrik A. E. Iazyk [Language]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaia enciklopediia, 1990, 604–606.
2. Usmanova A. R. Tekst [Text]. *Noveishii filosofskii slovar'. Postmodernizm* [The new philosophical dictionary. Postmodernism]. Minsk: Sovremennyi literator, 2007, 646.
3. Nikolaeva T. M. Tekst [Text]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaia enciklopediia, 1990, 507.
4. *Drevnegrechesko-russkii slovar'* [Ancient Greek-Russian dictionary]. Comp. Dvoret'skii I. Kh. Ed. Sobolevskii S. I. Moscow: GIS, vol. 1. A–L (1958): 1043
5. Jauß H. R. K probleme dialogicheskogo ponimaniia [To the problem of dialogical understanding]. *Voprosy filosofii = Question of Philosophy*, no. 12 (1994): 97–106.
6. Foucault M. *Arheologiiia znaniia* [Archeology of knowledge]. Saint-Petersburg: Gumanitarnaia akademiia (2004): 61–158.
7. Foucault M. *Slova i veshchi. Arheologiiia gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archeology of the humanities]. Saint-Petersburg: A-cad, 1994, 408.
8. Barthes R. *Izbrannye raboty: semiotika. Poetika* [Selected works: semiotics. Poetics]. Moscow: Izdatel'skaia gruppa «Progress», «Univers», 1994, 615.
9. Derrida J. Pis'mo k iaponskomu drugu [Letter to Japanese friend]. *Voprosy Filosofii = Question of Philosophy*, no. 4 (1992): 53–57.
10. Heidegger M. *Bytie i vremia* [Being and time]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2011, 460.
11. Gadamer H.-G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoi germenevtiki* [Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress, 1988, 704.
12. Eco U. *Otkrytoe proizvedenie* [The open work]. Saint-Petersburg: Simpozium, 2006, 67–103.
13. Leiderman N. L., Lipovetsky M. N. *Russkaia literatura XX veka (1950–1990-e gody). T. 2. 1968–1990* [Russian literature of the twentieth century (1950–1990). Vol. 2. 1968–1990]. Moscow: Akademiia, 2010, 478–487.
14. Epshtein M. N. *Postmodern v Rossii. Literatura i teoriia* [Postmodern in Russia. Literature and theory]. Moscow: Izdanie R. Elinina, 2000, 72–75.
15. Ashcheulova I. V. Trud dushi cheloveka kak sokhranenie istoricheskoi pamiati roda v romanakh V. Sharova [Work of person's soul as preservation of family's historical memory in V. Sharov's novels]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3-1 (2014): 162–166.
16. Ashcheulova I. V. Semeinaia khronika kak formirovanie istoricheskoi pamiati pokolenii v romane V. Sharova «Sled v sled» [The family chronicle as the creature of the historical memory of generations in V. Sharov's novel «Trace in trace»]. *Vestnik TGPU = Bulletin of TSPU*, no. 2 (2013): 48–53.
17. Ashcheulova I. V. Siuzhet poiska pravdy kak osushchestvlenie mechty o rae na zemle v proze V. Sharova [The plot of the searching truth as the realization of the dream of paradise on Earth in the prose by V. Sharov]. *Siuzhetologiiia i siuzhetografiia = The plotology and plotography*, no. 2 (2013): 72–78.
18. Dvoret'skii I. H. *Latinsko-russkii slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow: Rus. Iaz.-Media, 2003, 845.
19. Sharov V. *Sled v sled (Khronika roda v mysliah, kommentariiakh, osnovnykh datakh)* [Trace in trace (Chronicle of a sort in thoughts, comments, the basic dates)]. Ural, no. 6–8 (1991).
20. Sharov V. *Voskreshenie Lazaria* [The Raising of Lazarus]. Moscow: Vagrius, 2003, 366.